

КОСЯ В ШКОЛЕ

6+

Началка

Евгения Теплова

Евгения Сергеевна Теплова

Костя в школе. Началка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51423406

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник юмористических рассказов о школьных буднях ученика начальной школы Кости Куликова, для детей 8-13 лет. От Кости вы узнаете, что важнее: хорошие оценки или интерес к познанию, что значит "пролить кровь за друга" и "оказаться в неловком положении", а также: как завоевать сердце отличницы, не подвести команду на соревнованиях, заменить сбежавшего актёра на главной театральной премьере и многое другое.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Евгения Теплова

Костя в школе. Началка

Не знаю, как начать. Вроде сел писать для себя, а представляю, что обращаюсь к читателю. Нет, всё-таки для читателя писать интересней. Так что привет тебе, неизвестный читатель! Меня зовут Костя. Я недавно закончил четвёртый класс и переехал из Москвы на дачу. На прошлой неделе у нас был выпускной, где мы играли в «мафию». Мой лучший друг Никита обиделся, что я его сразу вычислил и убедил других мирных жителей, что он мафиози. «По глазам вижу, по глазам вижу, – передразнил он меня после игры. – В прошлый раз я тоже знал, кто ты, но при этом защищал, чтоб дать тебе поиграть!». «А когда был прошлый раз, год назад?» – ехидно уточнил я. «Перед весенними каникулами», – ответил Никита тоном однозначного победителя в споре.

Я вообще не мог вспомнить ту игру, что меня очень огорчило. Поэтому я твёрдо решил записать всё самое интересное и весёлое, что помню о прошедших школьных годах.

Оценки не главное

Летом 2015-го года мне исполнилось семь лет, и первого сентября я пошёл первый раз в первый класс. Точнее – поехал. На автобусе с мамой. И с букетом георгинов самых разных цветов. Мы их вместе сажали и растили на дачной грядке. А первого сентября мама всё утро заворачивала их

в прозрачную бумагу.

Она крутила в руках букет, где георгины в странных позах плющились об обёртку, выдыхала и начинала всё заново.

– Вот увидишь, ни у кого не будет такого букета, – говорила она ободряюще.

Я жевал холодную гречневую кашу, и с этими словами она останавливалась на полпути к животу.

Я слишком хорошо помнил мамино «вот увидишь, ни у кого не будет такого костюма» перед новогодним утренником в детсаду, куда она нарядила меня снеговиком. Для этого она набила чем-то похожим на вату свою вязаную белую жилетку с капюшоном. Капюшон удерживался на голове с помощью шарфа, ещё была верёвочка на животе, резинка снизу и чёрная водолазка внутри (чтобы руки были похожи на палочки). На нос надевалась бумажная морковка. «Не жарко?» – спрашивала мама, когда я примерял дома костюм. «В самый раз!» – отвечал я, уверенный в том, что снеговика следует изображать на улице. Ещё мы нашли в парке длинную палку и берёзовые хворостины, из которых соорудили метлу. Так вот, снеговик начал таять, ещё не доковыляв до ёлки, – воспитательница вытащила меня, насквозь мокрого, из этого кокона, и утренник я провёл в водолажке и подштанниках с вялой морковкой на носу и метлой в руках. Да, как ни крути, костюма растаявшего снеговика больше ни у кого не было.

Удачно погрузившись в воспоминания, я незаметно для себя съел кашу.

Измятая бумага тем временем была отправлена в мусорку. Мама перевязала букет красной лентой, оставшейся от коробки с тортом, замотала кончики стеблей мокрой тряпкой, а тряпку укрыла чёрным целлофановым пакетом.

– Только напомни мне снять пакет, когда подойдём к школе, – попросила она, явно уверенная в том, что и сама не забудет.

Я кивнул. Но мы, конечно, забыли, и с тех пор мама вздыхает всякий раз, когда смотрит мои первосентябрьские фотографии, где я выглядываю из-за растрёпанного букета, а на переднем плане развевается чёрный пакет с красной лентой.

Но не буду забегать вперёд. Тогда я вёз ещё бодрые георгины своей первой учительнице, которую зовут Наталья Сергеевна.

– Мам, Наталья Сергеевна?

– Где? – мама вертит головой.

– В школе.

– А, да, Наталья Сергеевна.

Она то и дело поглядывала на часы и тормозила мне чёлку. А вот и наша остановка. Мы бежали, перепрыгивая через лужи от вчерашнего дождя. Георгины радостно кивали в моей руке. Наконец мы замедлили шаг у школьной ограды и с пустынной улицы попали в пёструю и громкую толпу. Я, признаться, немного опешил и невольно потянул маму назад. Мама тут же наклонилась и заглянула мне в глаза: «Костюш, всё хорошо. Уже завтра будет не так страшно, а

через неделю совсем привыкнешь. Главное – не волноваться, помнишь?»

Ещё бы!

Тут следует пояснить, что ещё задолго до начала моей учёбы мама волновалась, что я буду волноваться в школе. Например, из-за оценок. Сама она была круглой отличницей. Кстати, что значит «круглой»? Может, это в честь золотых медалек, которые я однажды нашёл на даче в нижнем ящике старого секретера? В общем, когда-то она их очень ценила и переживала, что не получит. А потом горько об этом жалела.

– Представляешь, Кость, – рассказывала она мне пятилетнему, – однажды я чуть в обморок не свалилась. Из-за какой-то тройки! Пошла забирать тетрадь, а в глазах темно, и ничегошеньки не видно. Шарю рукой по учительскому столу, а другой холодный пот со лба стираю...

– Мама, – попытался разобраться я, – так ты переживала из-за пятёрок или из-за троек?

– Из-за всех оценок, – сокрушалась мама, – столько здоровья на них положила, а зачем...

– Да уж, здоровье важнее.

Мама погладила меня по голове:

– Хорошо, Костя, что ты это уже понимаешь. А я вот глупая была.

Тут мама, конечно, преувеличивала. Прабабушка Аня (я её звал бабаней) говорила, что мама гениальна от рождения,

и тоже приводила немало историй в подтверждение. Например, в возрасте трёх месяцев мама показывала на холодильник, когда хотела есть. Я долго не мог взять в толк, что ж в этом гениального.

– А что у тебя болело от пятёрки? – справился я тогда у мамы.

Она замялась:

– Голова болела, зрение испортилось, осанка никудышная. А уж сколько нервных клеток потрачено впустую! Обидно до слёз! Лучше б для тебя их сберегла.

И хотя я слабо представлял, как бы следовало распорядиться этим сбережением, мне тоже было очень обидно.

А ещё мама возмущалась, если кто-то ставил мне её в пример.

Помню, на шестой день рождения бабаня подарила мне маленький рюкзачок.

– Какой очаровательный у нас первоклассник! – ахнула она, когда я его примерил.

Бабушка часто рассказывала мне про школу, уроки, ребятшек, бегающих по коридорам.

– Тоже будешь у нас отличником, – отчего-то решила она.

И тут откуда ни возьмись прилетела мама:

– Бабуль, ну на что ты подбиваешь ребёнка? Даром эти пятёрки не нужны!

– Как не нужны? – опешила бабушка. – А что же нужно?

– Нужен интерес к познанию! – сказала мама.

– Папа, а ты круглый отличник? – спросил я однажды за ужином. Папа даже поперхнулся.

– Нет, Костя, не круглый.

– Значит, ты всегда знал, что оценки не главное?

– Всегда, – уверенно кивнул папа.

– Тебе родители рассказали, или ты сам догадался?

– Сам, Костенька, всё сам.

– Молодец, – похвалил я. – А вот мама так намучилась.

И мы с папой тяжело вздохнули.

Где-то за полгода до поступления в школу разговоры о бесполезности оценок чуть не вытеснили сказку перед сном. Мне пришлось просить маму начинать со сказки, а уж когда глазки закроются – про школу. Мама, к счастью, согласилась, пробормотав нечто странное про подкорку, на которую всё запишется.

Не знаю уж, куда и чего она мне записала, но я ужасно боялся волнения из-за оценок. Но вот прошло два месяца в школе, а ни одной оценки нам так и не поставили. Всё какие-то галочки и плюсики. Как-то раз я решил поинтересоваться у Никитки, соседа по парте, почему Наталья Сергеевна нарисовала ему в тетради плюсики, а мне галочку.

– Так ты домашнее задание неправильно сделал, вот она тебе двойку и вlepила, – обрадовал Никитка.

У меня холодок пробежал по спине.

– Какую ещё двойку?

– Обыкновенную. Галочки – это, считай, двойки, а плюсики – пятёрки.

Вот те на! Мама круглая отличница, а у сына уже куча двоек. Но я тут же вспомнил, что это совершенно не важно.

Встретив маму на школьном дворе, я гордо объявил:

– Двойка!

– Как двойка? – ужаснулась мама, но тут же взяла себя в руки. – Ты расстроился?

– Да вроде не очень.

– Это хорошо.

И я выдохнул с облегчением. Мама была в тот день очень весёлая.

– Можешь поздравить своего сына с первой двойкой! – торжественно объявила она папе.

– И что ж тут такого героического?

– То, что он не расстроился!

– А когда он в институт балл не наберёт, фейерверк устроим? – усмехнулся папа.

– Да при чём тут институт? – разозлилась мама. – У ребёнка должно быть детство!

– Несомненно, – согласился папа.

Хоть папа меня и не поздравил, про оценки я и думать забыл. Сосредоточился на том, чтоб не терять интерес к познанию. А это было не просто. На математике, к примеру, я его терял регулярно. Мне даже кажется, я видел, как он убе-

гает за окно. А ещё чаще – за первую парту, где сидела, растопырив светлые косички, Маруся Скворцова. Её рука опускалась и поднималась, как шлагбаум. Она мне кого-то ужасно напоминала, но кого – хоть тресни, сообразить не мог.

– Костя, задержись, пожалуйста, – услышал я однажды вместе со звонком голос Натальи Сергеевны.

Ребята разбежались, а я уселся за Марусину парту. Место шлагбаума было ещё тёпленьким.

– Послушай, – начала Наталья Сергеевна, – у нас пока нет оценок, но это не значит, что их совсем нет.

– Конечно. Есть галочки и плюсики, – со знанием дела подтвердил я.

– Правильно. И по математике у тебя одни галочки.

– Да, – согласился я.

– Так дело не пойдёт.

– Почему?

– Потому что у тебя будет двойка в четверти.

– Оценки не главное, – вырвалось у меня. Видимо, из-под той самой подкорки.

– Кто тебе сказал? – прищурилась Наталья Сергеевна.

– Мама, – немного смутился я.

– А что же главное?

– Главное – это интерес к познанию.

– Ну и где ж твой интерес?

– Потерялся, – честно признался я.

– Тебя мама встречает? Попроси её заглянуть ко мне.

От Натальи Сергеевны мама вышла красная и тихая, но, как выяснилось, не сломленная. Оценки не стали важнее, зато она взялась пробуждать во мне интерес к математике. «Математика, Кость, это музыка», – сказала она весьма напевно. А потом как начнёт музицировать! Задача за задачей, одна интересней другой. У меня чуть голова не взорвалась – так я старался вникнуть в одну, пока мама не сочинит следующую.

– Мам, а давай ты мне лучше на подкорку запишешь, – нашёлся я.

Мама, кажется, расстроилась.

– Кость, неужели совсем не интересно?

– Ну, не совсем.

– Как же быть?..

В дверях появился папа.

– Могу поделиться опытом.

Мама вздохнула, а папа подошёл ко мне.

– Слушай меня, сынок. Интересас не будет, не жди напрасно. Будет война, десять лет войны с математикой. Либо ты её, либо она тебя. Чем раньше примешь бой, тем больше шансов на победу.

И, похлопав меня по плечу, папа вышел. С видом предводителя борцов с математикой. Его речь произвела впечатление: воевать казалось проще, чем музицировать.

– Мам, а ведь папа не был круглым отличником, – вдруг

вспомнил я.

– Не был, – подтвердила мама.

– Но вы всё равно поженились.

– К счастью, мы не учились в одном классе, – рассмеялась мама.

– Но вы из одного института.

– Да, но папа старше, так что мы учились на разных курсах, – объяснила мама, а мне почему-то стало грустно.

С тех пор, как я принял бой от математики, дела пошли в гору, и к концу четверти я стал скорее плюсочником, чем галочником. Мне даже показалось, что Наталья Сергеевна заняла мою сторону в этой борьбе. Мама тоже успокоилась и лишь иногда, не сдержавшись, напоминала о грядущих контрольных. Но вот устранившись от подготовки к новогоднему конкурсу оказалось выше её сил.

– Мама, представляешь, – рассказал я ей в начале декабря, – у нас будет концерт, и на концерте будет поэтический конкурс – мы расскажем стихи собственного сочинения, а жюри выставит нам оценки.

– Ох, даже на концерте не могут обойтись без оценок! – возмутилась мама.

– Да это не важно, – отмахнулся я. – Представляешь, я, как услышал про конкурс, тут же и сочинил.

– Ну-ка, ну-ка, послушаю с удовольствием.

Зима-красна пришла сюда
И накрыла всё белым одеялом,
Но одеяло холодное,
Потому что снежное.

– Это всё? – спросила мама после паузы.

– Нас просили коротенькое. Ну как, красиво?

– Красиво, – согласилась мама, – только это называется «белый стих».

– Вот и замечательно, – обрадовался я, – в самый раз.

– И правда, – снова согласилась мама.

Потом в течение недели она регулярно подсаживалась ко мне за стол, интересовалась домашним заданием и тут же переводила разговор на новогодний праздник.

– Сегодня выбирали членов жюри, – поведал я. – Марусю Скворцову выбрали.

– Это та отличница с косичками, которая тебе нравится?

Я покраснел и кивнул.

– Правда? – оживилась мама. – А на неё-то ты хотел бы произвести впечатление?

Я снова кивнул, хотя ни о чём таком не думал.

– Тогда послушай, как тебе такой вариант:

Чу, зима пришла в наш край,
Всё белым-бело.
Речка дремлет подо льдом,

А над ней буран...

– Это ты сочинила? – догадался я.

– Да.

– Зачем?

– Ну, – смутилась мама, – про запас, вдруг ты захочешь рассказать не белый, а обычный стих.

– Нет, не хочу.

– Ну ладно.

На следующий день история повторилась.

– Костенька, ты был абсолютно прав, – согласилась мама не понятно с чем, – то, что я вчера тебе предложила, не интересно. У всех будут такие. Чтобы занять первое... то есть чтобы достойно выступить, надо что-нибудь особенное, ни на кого не похожее. Например, шутовское, это всегда выигрышно.

Я молчал, и мама, не дождавшись моей реакции, продолжила:

– Я написала частушку.

– Что?

И она, подбоченясь, вышла на середину комнаты и не своим, а прабабушкиным голосом завела:

По стишку присочинить

Дали всем нам указанье.

Поэтом можешь ты не быть,
Но твой родитель быть обязан, у-ух.

– Ну как? – спросила мама. – Вот увидишь, такого стиха ни у кого не будет!

Я сделал бровки домиком, и мама тут же сникла.

– Ну, петь-то не обязательно, это я так, для примера... Не хочешь? Ну как хочешь... Пойду суп поставлю.

Мне было жаль маму, но не настолько, чтобы исполнить странную частушку на первом школьном празднике, где в жюри будет Маруся Скворцова.

Мама вернулась.

– Прости, Костюш, больше не буду к тебе приставать. У тебя замечательное белое стихотворение. Рассказывай и не переживай, хорошо?

– Хорошо.

Но я всё-таки переживал. За маму. И решил посоветоваться с папой, дождался дня, когда он встречает меня из школы. Оказалось, не так-то просто объяснить ему, в чём, собственно, вопрос.

– Так вот я и думаю – лучше рассказать свой стих или, может, мамин?

– Зачем мамин? – в третий раз не понял папа.

– Чтоб она не расстроилась.

– Почему она расстроится?

– Она хочет, чтоб я занял первое место, чтоб произвёл впечатление.

– Это она так сказала?

– Ну, не совсем. Но мне так показалось.

– Ох уж эта мама! Она сама-то понимает, чего хочет?

– Она хочет... чтоб я нечаянно всех победил.

– «Нечаянно всех победил», – задумчиво протянул папа, почесав затылок. – Совершенно точно. А ещё она хочет, чтоб я подарил ей на день рождения что-то полезное и приятное, но не духи и не украшения. И чтоб на 8-е марта я приготовил обед, вкусный и необычный! Необычный и вкусный, можешь себе представить?! И чтоб я выходил на работу вовремя, но при этом не оставлял тапочки посреди прихожей. И чтоб возвращался вовремя и с покупками... В общем, – спохватился папа, – я обязательно что-нибудь придумаю.

И папа начал думать. Я испугался, как бы он не сочинил стихотворение. Никитка вот жалуется, что его папа уже две недели не спит и не ест, говорит исключительно рифмами, а стихотворение о зиме так и не сложил. Но мой папа не таков. Он, кажется, просто забыл о своём обещании. А улучшить момент, когда рядом нет мамы, довольно трудно. Но о чудо! Папа сам его улучил. Прямо накануне конкурса. И секретным голосом изложил секретный план.

– Слушай, сынок. Первое – выкинь из головы все стихи: белые, чёрные, все. Второе – поверь в себя. Я знаю, ты можешь сочинить что угодно когда угодно.

– Откуда ты знаешь?

– Я мог, и ты сможешь.

Я кивнул.

– Но раз мама хочет шутку, давай начнём с шутки. Микрофон будет?

– Не знаю.

– Если будет, убедись, исправен ли он.

– Как?

– Постучи по нему, подуй, скажи «раз, два, три».

– Зачем?

– Это будет смешно. Проверено.

– А если не будет микрофона?

– Загадай всем загадку: «Какой стих для зимы самый подходящий?»

– Какой? – спросил я.

– Белый. Но это всё так, для завязки разговора. В зале есть окно?

– Есть.

– Значит, смотришь в окно и что видишь, о том поёшь, понял?

Я вздрогнул.

– А зачем петь?

– Это фигурально. Что видишь, о том сочиняешь. Теперь три важных принципа. Первое – читать медленно, с выражением. Чем больше выражения, тем лучше. Не бойся повторов – они усиливают эффект и помогут тебе избежать запи-

нок. Второе – установить зрительный контакт с залом. И третье. Самая главная строчка в стихе – последняя, весь стих ради неё, понял?

Я кивнул. А папа снова задумался.

– Ну и хорошо бы что-нибудь о любви ввернуть.

– К зиме? – уточнил я.

Папа ещё что-то про себя прикинул и сказал:

– Ладно, забудь, это пока рановато. Всех пропускай, иди в конце.

День праздника наступил. Девочки в принцесных нарядах спешили в актовый зал. Маруся Скворцова в пышном голубом платье держала в руках таблички с оценками для участников поэтического конкурса. Все догадывались, что Маруся будет самым строгим судьёй, подбегали к ней, шутили. Но вид у неё был ещё серьёзней, чем обычно.

– Помочь? – предложил я.

– Спасибо, – согласилась она.

И мы пошли наверх.

Родители уже собрались в зале. Мама изо всех сил пыталась обратить на себя моё внимание, а когда это удавалось, делала всякие ободряющие знаки. Наверное, она думала, что я очень волнуюсь. Затрудняюсь сказать, волновался я или нет. Кажется, я ничего не чувствовал. А также ничего не слышал и не видел. Мама потом хвалила наши новогодние песни, а я вообще не помнил, чтобы мы пели.

– А теперь, – объявила Наталья Сергеевна, – поэтический конкурс. Жюри, прошу за судейские столики.

Маруся, ещё две девочки и два мальчика важно отправились за парты, поставленные впереди зрительских рядов. За ними я заметил директора, совершенно несерьёзного.

Мы оставались на сцене, где посередине водрузили микрофон на ножке.

– Кто у нас самый смелый поэт? – спросила Наталья Сергеевна.

Никитка выдвинулся вперёд и продекламировал четверостишие, из-за которого его папа не спал и не ел две недели:

– Стихотворение о зиме.

Добрый дедушка Мороз,
Он подарки нам принёс.
И теперь мы все тут вот
Дружно водим хоровод.

Раздались бурные овации.

– Замечательно, спасибо! – сказала Наталья Сергеевна. – Судьи, прошу оценки.

Никита получил пять четвёрок. Потом была ещё длинная череда поэтических шедевров, я пропускал всех вперёд. А вот и фаворит конкурса – Вергилия Спицына. Мы уже знали, что её мама – поэтесса. Настоящая. Зал притих. Вергилия прикрыла глаза и положила правую руку на сердце.

Тени на стекле,
Мысли в пелене,
Чувства взаперти,
В сердце конфетти.
Стоны проводов,
Звон колоколов,
Что ни говорим,
Пустоту творим...

Сколько там ещё было этих стонов, звонов, всполохов и шорохов, не сосчитать. Зал впал в оцепенение. Вергилия, окончив, слегка покачнулась. Мама-поэтесса вскочила и закричала «браво». Все судьи поставили пятёрки. Кроме Маруси, которая спросила, при чём тут зима. Мама-поэтесса выражала готовность объяснить, но её удержали на месте. А я наконец понял, кого мне напоминает Маруся, – мою маму. Да-да, у них совершенно одинаковые заборчики между бровей, когда они готовятся сказать что-то умное.

Тем временем я уже стоял у микрофона и решал, как лучше по нему стучать. Я тихонько стукнул его сверху кулаком, отчего микрофон издал вопль. Затем я дунул, как следует – микрофон зашипел. «Раз, два, три», – громко сказал я. В зале кто-то звонко рассмеялся. Мама. Так я узнал, на ком папа проверял эти трюки.

– Костя, с микрофоном всё в порядке, – строго сказала

Наталья Сергеевна.

Я понимающе кивнул и объявил:

– Загадка. Какой стих для зимы самый подходящий?

Зал оживился, зашуршал.

– Белый, – выкрикнул кто-то. Кажется, папа.

– Правильно, – сказал я. – Тогда слушайте.

Тут я не удержался и глянул на маму. Она была бледная и смотрела как будто сквозь меня – небось в глазах потемнело, вот-вот в обморок хлопнется. И я скорей повернулся к большому окну.

– Снег идёт, – начал я медленно, совсем медленно, – метель бушует,

Это зимний снегопад,

Снегопад, снегопад,

Вихри снежные свистят.

Я даже сам удивился, как это у меня так ловко вышло. Я здорово воодушевился.

Вихри снежные свистят,

Хлопья снежные летят,

Тучи серые идут,

Хлопья снежные везут.

Голос у меня стал зычным, со всякими переливами. Я, спохватившись, установил зрительный контакт с залом. А ес-

ли быть точнее – с Марусей Скворцовой. В этом платье да с распущенными косичками она мне ещё сильнее нравилась. И я готов был поспорить, что она переживает за меня.

Это снежный караван,
Это яростный буран,
Это зимний ураган,
Это... холода капкан.

Я запнулся совсем чуть-чуть, но в этот момент что-то упало, и я подумал, что это мама хлопнулась-таки в обморок, и не осмелился посмотреть в её сторону.

Стих складывался хорошо, но требовалась последняя строчка, а она никак не находилась. И я продолжал, уже всю размахивая руками.

Ты в него не попадись,
Ты, дружок, поберегись!

И тут я нечаянно погрозил пальцем директору, который сидел в первом ряду.

Ветер яростно свистит,
Туча грозная летит.

Я чувствовал нерв зрителей как натянутую собственными

руками тетиву и понимал, что пора стрелять, но чем? Я восстановил зрительный контакт с Марусей, на мгновение забыл обо всём на свете, а в следующее мгновение понял, какой должна быть последняя строчка. Но ещё недоставало предпоследней, и вихри закружились по новому кругу.

Это зимний ураган,
Это холода капкан...

Всё, вот она, попалась...

– Чтоб в него не угодить, – и тут я взял шикарную паузу, директор даже подался вперёд, – надо горячо любить, – тихим голосом закончил я и обвёл поверженный зал торжествующим взглядом.

В ту же секунду он взорвался аплодисментами, взметнулись ввысь таблички с пятёрками. Маруся даже забыла закрыть рот от восхищения, а мама была в сознании и, кажется, плакала.

– А стих-то совсем не белый, – игриво заметила Наталья Сергеевна.

– Белый я забыл, – признался я.

– Значит, мы были свидетелями блестящей импровизации? – улыбнулась она.

– Чего-чего? – хотел переспросить я, но вместо этого скромно кивнул.

И Наталья Сергеевна вручила победителю томик Пушки-

на А. С. Я взял и поднял его обеими руками над головой, как папины теннисисты по телевизору поднимают всякие кубки и тарелки.

Да, в тот вечер я понял всё. Ну, если не всё, то очень многое. Я понял, за что мама так любила пятёрки и за что недолюбливала четвёрки. Я понял, что значит волноваться из-за оценок и окрыляться успехом. И главное, теперь я окончательно понял, что оценки не главное. А интерес к познанию тем более. Главное то, что Маруся догнала меня в коридоре и сказала, что это лучшее стихотворение на свете. А папа похлопал меня по плечу и сказал, что это было круто, даже очень круто. А мама ничего не сказала, но время от времени промокала слезинки в уголках глаз. А яростный буран стих, и ровный белый снег сверкал россыпями драгоценных камней.

Кончен ураган, скрылся караван,
Белой скатертью укрыт асфальт...

«Эх, скорей бы следующий поэтический конкурс!» – размечтался я.

День всех влюблённых

У Никиты, моего лучшего друга, есть старший брат Коля. Когда мы учились во втором классе, он уже был в ше-

стом. Иногда у него случалось хорошее настроение, и тогда он рассказывал нам что-нибудь интересное, а мы слушали с открытыми ртами.

В феврале он просветил нас по поводу грядущего дня всех влюблённых, когда ребята и девчонки будут писать друг другу открытки валентинки, класть их в специально оборудованные почтовые ящики, а специальные почтальоны будут разносить их по классам прямо во время уроков!

Никитка, кажется, пропустил всё мимо ушей, а я впечатлился и своим за ужином пересказал. Мама только отмахнулась: «Вам пока рановато». Папа вообще с трудом сообразил, о чём речь. А бабаня нахмурилась и пожаловалась родителям на ерундовые заморские праздники.

Но перед сном мама по-секретному спросила:

– А ты бы хотел отправить валентинку?

Я, честно говоря, об этом не думал, но почему бы и нет...

– Да, – сказал я в полудрёме, – Марусе.

– Хорошо, – обрадовалась мама. – Завтра сделаем, я тебя научу.

Назавтра я уже обо всём забыл. Но мама напомнила:

– Ну что, Кость, помочь тебе с валентинкой?

– Что? А-а, да нет, спасибо, я сам.

Начал вырезать из бумаги сердечко, а оно кривенькое выходит. Наконец получилось ровное, но размером с клубнику. И тут подоспела мама. С коробкой конфет.

– Что, ещё и конфеты дарить? – испугался я.

– Да нет, просто коробочка красивая, нам пригодится.

Коробочка действительно была красивая – с золотыми на красном фоне цветочками. Мама решительно её вскрыла и отрезала крышечку. Я тут же потянулся за конфетой, а мама даже бровью не повела. Она пододвинула стул к моему столу, нарисовала сердце, сложила картонку пополам и принялась вырезать. Получилась настоящая открытка – внутри белая, а снаружи цветная. Покрутив её в руках, мама убежала в другую комнату. Вернулась с белыми кружавчиками и тут же начала приклеивать их по краю. Пока подсыхал клей, маму осенило, что у неё в книжке есть засушенные лепестки роз и они давно ждут своего часа. Я тем временем слопал третью конфету. Тут пришёл с работы папа и спросил, когда будет ужин.

– Скоро, скоро, потерпи, – сказала мама и продолжила колдовать над валентинкой.

– Я сейчас весь хлеб и весь сыр съем, – пригрозил папа.

– Я десять лет мечтала получить такое сердечко, – сказала мама, как будто не слыша папиной угрозы. И он, покачав головой, удалился.

Прилепив внутрь два гербария из серо-жёлтых и бурых лепестков, мама проделала с краю дырочки и завязала открытку красной ленточкой. А потом ещё sprysнула её папиным одеколоном, которому, видимо, тоже не нашлось иного применения.

– А где же подписать? – спросил я в надежде, что эту валентинку мечты мама оставит себе.

– Мы подпишем конверт, – ответила мама. – Давай лучше я, чтоб твой почерк не узнали. Таинственность очень важна в таких делах.

И мама своим ровным почерком, с длинными завитушками вывела на конверте: «Марусе Скворцовой 2-й Б от тайного поклонника». Я вздрогнул, но виду не подал.

Вот наконец весь комплект готов. Жаль только, хлеба на завтрак, небось, не осталось.

Как только довольная мама ушла на кухню спасать остатки сыра, я завернул конверт в целлофановый пакет – иначе бы у меня весь рюкзак пропах одеколоном.

«Вообще, с мамой нужно быть осмотрительней, – размышлял я по дороге в школу 14 февраля. – Денёк такой прекрасный, а этот пахучий конверт оттягивает рюкзак, как кирпич. Надо поскорее от него избавиться».

– Ну, не волнуйся, – как обычно, подбодрила меня мама, – всё будет хорошо.

Я вошёл в школу и сразу почуял: что-то не то. В вестибюле больше народа, чем обычно. Девочки хихикают, перешёптываются. А вот и почтовый ящик для валентинок, весь такой розовый и в сердечках, пронзённых стрелами. И что ж, класть туда свой конверт при всём честном народе? Нет уж, дудки! И я отправился в класс.

Маруся, как всегда, пришла одной из первых. На её парте лежал рюкзак с приоткрытым передним отделением. Самой Маруси не было. Была только Вергилия Спицына, дочка поэтессы. Она стояла у окна и щурилась на утреннее солнце. Скорее всего, сочиняла. «Такой момент нельзя упустить», – решил я. Раз уж услуги почтальона не понадобятся, то можно обойтись и без конверта с кучерявой подписью. Я быстро извлёк конверт из пакета, из конверта открытку и мимоходом сунул её в карман Марусиною рюкзака. А сам побежал из класса, пока она не вернулась, и в дверях налетел на Марусю, за спиной у которой был рюкзак!

– Костя, не проснулся, что ли? – строго спросила она.

И, пройдя в класс, обратилась к Вергилии:

– Привет, это твой рюкзак?

– Да-да, – рассеянно ответила Вергилия и продолжила сочинять, а Маруся отнесла его на место.

Сердце моё забилося часто-часто, я вспотел и разозлился на маму. «Всё будет хорошо, всё будет хорошо», – мысленно передразнил я её и сам же ответил любимой присказкой бабани: «Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего».

Подтянувшиеся в класс ребята начали готовиться к урокам. Предчувствуя катастрофу, я краем глаза наблюдал за тем, как Вергилия достаёт пенал... Конечно, вслед за ним на парту выпорхнуло сердечко в белых рюшах. Вергилия отшатнулась, как будто на стол выпала граната.

– Ах, девочки, что это! – воскликнула она.

Девочки тут же сбежались. Стали выхватывать сердечко друг у друга, ахать, охать, нюхать. Мне хотелось провалиться на этаж ниже, но тут прозвенел звонок, и в класс вошла Наталья Сергеевна.

Надо сказать, что Вергилия, в отличие от меня, до сих пор не приняла бой от математики, ну а уж получив сердечко, любовалась им, забыв обо всём на свете, только пару раз украдкой глянула на нас с Никитой – с чего бы, спрашивается?

Наталья Сергеевна вызвала её к доске. Вергилия услышала с третьего раза и пошла отвечать, не выпуская из рук валентинку.

– Вергилия, что это? – спросила Наталья Сергеевна, а я зачем-то покраснел.

– Любовное послание, – ответила Вергилия таким тоном, как будто она каждый день ходит к доске с валентинками.

– Можно посмотреть? – не без любопытства попросила Наталья Сергеевна. – Я не буду открывать.

– Конечно, там ничего не написано.

– Какая прелесть! – восхитилась Наталья Сергеевна, открыв это чудо мамино рукоделия. Наверное, она тоже одиннадцать лет мечтала получить такую. – Ладно, вижу, тебе сегодня не до математики. Садись. Куликов, к доске!

Я покраснел ещё гуще, но быстро взял себя в руки. Стою у доски, готовлюсь слушать условия задачи и вдруг замечаю, что из кармана моего рюкзака торчит тот самый пакет, а Ни-

китка водит носом, как будто унюхал что-то. Кажется, Наталья Сергеевна в этот момент что-то говорила.

– Да что ж с вами сегодня творится, – донеслось до меня издалека. – Никакого учебного процесса с этими праздниками. Маруся, выручай, пожалуйста. Куликов, садись.

Вернувшись на место, я первым делом запихнул пакет поглубже. Холодный пот снова прошиб меня при мысли о том, что было бы, если б Никита потянул за этот пакет и нашёл конверт, подписанный тайным поклонником Маруси Скворцовой... «Ну мама, ну погоди!»

– Это ты, что ли, валентинку подложил? – шепнул Никита.

– С ума сошёл?

– А чего ты такой?

– Какой?

– Красный, мокрый.

– Домашнее задание не сделал, – удачно соврал я.

Я потихоньку пришёл в себя. Ведь ничего страшного не произошло, только Маруся осталась без валентинки. Ну и что? Все, кроме Вергилии, без открыток. И тут у меня родился план.

– Никита, – сказал я другу на перемене, – все девчонки мечтают о валентинках, давай для всех сделаем.

– Ты что, спятил? Зачем?

– Им обидно, что Вергилия получила, а они нет.

– Ну и что?

– Ты мне поможешь или нет?

– Ты точно с ума сошёл.

И мы побежали к учительнице ИЗО, выпросили у неё несколько листов цветной бумаги, ножницы и пошли в туалет вырезать сердечки. Всего-то нужно было двенадцать штук. На первой перемене мы вырезали, а на второй подпихивали.

В туалет зашли мальчики из старших классов.

– Ишь какие романтичные! – указал на нас один из них.

– Зря смеётесь, – ответил я. – У нас бумага остаётся – сделайте для своих девочек: увидите, какие они будут счастливые.

– А урок короткий, – добавил Никитка.

Мальчики переглянулись и забрали у нас остатки бумаги. А мы побежали вниз и вывалили свои сердца в почтовый ящик.

На четвёртом уроке в класс бесцеремонно ворвался парнишка с бумажным венком на голове.

– С днём святого Валентина! – провозгласил он. – У меня есть письма для прекрасных дам.

И он начал выкрикивать имена девчонок, а они вскакивали как ошпаренные и бросались за нашими неумелыми сердцами.

– И последнее, для Н. С., – объявил почтальон.

– Нет у нас никаких Инесс, – отрезала Наталья Сергеевна таким голосом, что почтальон попятился к двери.

– Нет так нет, ошибочка, значит...

– Так это, наверное, вы, Наталья Сергеевна, – подсказал Никитка. И молодец, что подсказал.

Учительница смущённо улыбнулась, и почтальон торжественно вручил ей самое большое сердце.

Вот и закончился последний урок. Девочки бережно паковали свои валентинки, а я заметил, что Маруся как будто хочет мне что-то сказать, но не решается. Небось вычислила нас с Никиткой и хочет удостовериться. Я собрал рюкзак, попрощался. Спускаюсь по лестнице, а Маруся за мной. И вдруг такое вдохновение на меня нашло... Оторвался я от неё на один пролёт, выбросил пакет с конвертом прямо на лестницу, а сам за дверь в коридор спрятался и подглядываю в щёлочку. Маруся пакетик подняла, конверт достала, надпись «от тайного поклонника» прочла, понюхала и сморщила заборчик между бровей – соображает, значит. «Ну, – думаю, – такая задачка ей, конечно, раз плюнуть: что было в пустом конверте, кто тайный поклонник, ну... ну...» И тут она так улыбнулась, так улыбнулась – эту улыбку я уже никогда в жизни не забуду. И потихоньку пошла дальше, а я стрелой по коридору и в раздевалку, куртку со сменкой схватил и был таков.

Оделся на улице.

– Ты чего это? – удивился папа.

Я очень обрадовался, что сегодня он меня встречает. Я рассказал всё по порядку, папа весело смеялся.

– Папа, – сказал я в заключение, – сделай маме валентинку.

– Ну ты выдумал, – покачал он головой.

– Пап, ну пожалуйста. Увидишь, как она обрадуется.

Папа молчал.

– Вон магазин, купим конфеты, а из коробки вырежем сердце.

Папа вздохнул, но последовал за мной.

Мы нашли удачную коробку – с двойной крышкой. Одну мы сняли, сохранив приличный вид. Тут же купили ножницы и вырезали сердце. У папы оно тоже никак не выходило ровным, он кромсал и кромсал, пока я не остановил его, а то бы пришлось покупать ещё одну коробку.

– Напиши что-нибудь, – подсказал я, когда мы ехали в троллейбусе, и достал свой пенал.

Папа отвернулся и что-то написал. А я, между прочим, и не собирался подглядывать.

– Это тебе, – сказал папа маме, протягивая конфеты и сердце.

Мама сделала такие большие глаза. Но когда она открыла сердечную открытку, они стали ещё больше. Жаль, что папа в это время возился со шнурками.

– Ну, давайте скорей, – как обычно, поторопила мама,

только не таким голосом, как обычно, – обед стынет.

К обеду прилагался большой вишнёвый пирог.

– Ой, а что за повод? – удивился папа.

Мама ничего не ответила, а я секретно показал папе на сердце. Папа шлёпнул себя по лбу. И я тоже себя шлёпнул. «Как же я мог забыть про бабаню! Готов спорить, она тоже мечтала о валентинке одиннадцать лет, а то и двадцать, или тридцать, или даже все семьдесят!»

Диспансеризация

Диспансеризацию мы всегда очень ждём. Мало того, что отменяются уроки, так ещё столько веселья! Прямо настоящий «Форт Боярд», только надо собрать не подсказки, а печатки разных докторов. Удачно занять очередь, рассчитать, проскочить, везде успеть... это ж целая наука. «А ты прошёл невролога? А ты уже был у ортопеда? А какой у тебя рост?» Разведал и бегом дальше по коридорам. А поликлиника длинная, два этажа – есть где разогнаться.

Во втором классе самым страшным врачом оказался психиатр – дядечка в узких очках со стрижкой-ёжиком. Даже Наталья Сергеевна понижала голос, когда проходила мимо его кабинета. Вместо того чтоб выведывать про семью, возраст и день недели, он вдруг начал спрашивать смысл пословиц, причём задавал всем разные! И пока ты соображаешь, он делает такой пристальный взгляд, как будто хочет заглянуть тебе в мозг. Мне досталась поговорка «работа не волк

– в лес не убежит», и я выдохнул с облегчением – папа часто её употребляет, когда мама его с чем-нибудь торопит.

– А-а, – говорю я, – это запросто. И в ту же секунду осознаю, что никогда не понимал её смысла. А психиатр уже бурлит мне дырку во лбу.

– Это, – говорю, – значит, что работа не волк, в лес не убежит.

– Что значит «не волк»?

– Значит «не волк».

– Ну и что?

– Раз не волк, то не убежит. Вот если бы работа была волком, могла бы убежать. В лес, например.

– Как убежать? – прищуривается психиатр.

– Ножками.

– Ножками? – переспрашивает он. – Или лапками?

– Лапками, лапками, – скорее поправляюсь я.

– А чем отличаются ножки от лапок?

К этому моменту я уже порядочно взмок.

– Лапки мохнатые, – выдаю я первое, что приходит в голову.

– А у ящерицы, значит, ножки?

Тут меня такая злость взяла, что я не вытерпел.

– У ящерицы, – говорю, – копыта.

Дядя-психиатр сразу весь преобразился – глаза над очками округлились, тонкие губы вытянулись в улыбку, рука изготовилась за мной записывать.

– Да, – обрадовался я, – у ящерицы четыре копыта. Я лично слышал, как она цокает ими по камню.

И я зачем-то начал изображать скачущую ящерицу, с трудом цокая пересохшим языком.

– Довольно паясничать, – остановил меня доктор. – Пригласите следующего.

– А вы не слышали? – поинтересовался я напоследок.

И зря. Что-то он мне там лишнего в карту начирикал, ну да ладно.

Никитке досталась поговорка «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Так он принялся доказывать, что журавль в небе гораздо лучше, потому что красивее и свободнее. Дядя-психиатр возразить ничего не смог, и Никитка тоже огрѐб от него какую-то заметку.

А у ЛОРа всё как обычно (почему, кстати, ЛОР, а не УГН?). Посовала в ухо-горло-нос холодные железяки и послала в другой конец кабинета слух проверять. И тут за дверью началась какая-то буча. Это Никитка прибежал от ортопеда (он ведь всегда за мной или я за ним), а девчонки его не пропускают. Да, я забыл их предупредить, но могли бы и сами догадаться. Стою я спиной к доктору, она уже числа шепчет, а я слушаю, как там Никитка отбивается.

– Тридцать восемь, – шепчет тѣтя настолько громко, что даже не интересно.

- Никита за мной! – кричу я девочкам через дверь.
- Пятьдесят шесть, – продолжает доктор ещё громче.
- И хватит шуметь! – злюсь я.
- Девяносто девять, – кричит мне тётя.
- Девяносто девять, – повторяю я шёпотом.

Ну, невролог с молоточком – это классика. (Почему, кстати, невролог, а не нерволог?) Мы с Никиткой поспорили: у кого нога не дёрнется, тот и выиграл.

Доктор за молоточек взялась, я ногу на ногу положил да как напрягу.

– Расслабь ножку, – просит тётя.

А я головой мотаю, говорить не могу от натуги.

Смотрю, она уже готовится что-то в карточку писать.

«Ну, – думаю, – довольно с меня записки от психиатра, а то, чего доброго, лечиться отправят».

– Всё-всё, – говорю, – расслабил. Стучите как следует.

И она как стукнет, а нога как взбрыкнёт, тётя даже вскрикнула.

Никитка сразу за мной, и я не успел ему сказать, что затея вышла неудачная.

– Да что ж за дети у меня сегодня?! – слышу возмущение доктора.

Тоже мне, невролог и такая нервная.

Окулистка новых заданий не придумала.

Начала с цветных картинок в горошек. Я каждый раз забываю, в чём там подковырка. Смотрю во все глаза – девятка и девятка, больше ничего.

– Ну, что ты видишь? – торопит меня врач.

– Ничего особенного, – говорю.

– Цифру видишь?

– Вижу.

– Какую?

Я головой повертел, пощурился, но кроме девятки так ничего и не выплыло.

– Девять, – отвечаю сокрушённо.

А оказалось правильно. Странные задания.

И ещё удивительное дело – табличка с буквами у них каждый год одна и та же, кто угодно запомнить может. Я, к примеру, на всякий случай запомнил (в оптике рядом с домом такая висит), чтобы мама не расстроилась – она ж за моё зрение переживает.

Как полагается, один глаз прикрыл, бодро всё называю.

– Отлично, – говорит тётя, – теперь закрой правый.

А там ещё две строчки в самом низу.

– Почему? – возмущаюсь я. – Я и дальше знаю.

– Ну давай, – соглашается доктор.

Я там буквы не различаю, но куда палочка показывает, вижу и по памяти называю. Тётя удивилась и перешла к другой таблице, для маленьких. Там не буквы, а картинки. И я их не учил.

– Ну? – говорит доктор.

Молчу.

– Видишь?

– Самолётик.

– Нет.

Вернулись к буквам, опять всё назвал. К картинкам – молчу.

Тётя уже и лампочки проверила, и свои очки протёрла, но ничего не поймёт. Раз пять она туда-сюда моталась, умаялась. Села у своих табличек и куда-то в стену глядит. Мне её жаль, но признаться-то страшно.

– Ты что, – осенило тётю, – буквы выучил?

Я кивнул.

Тётя вздохнула с облегчением и пошла мне карточку заполнять.

Вот я бегу на всех скоростях от окулиста к дерматологу, где мне Никитка очередь держит, смотрю – небольшое столпотворение. Заглядываю – а у стены сидит на корточках и горько плачет Вергилия Спицына.

– Что случилось? – спрашиваю я у Маруси Скворцовой.

– Бойтся сдавать кровь из пальца.

– А-а. И как быть?

– Не знаем.

– Вергилия, – говорю, – я там уже был. Ничего страшного.

У них теперь новые пистолетики такие – чпок и всё.

Но от моих чпоков Вергилии стало ещё хуже.

– А хочешь, я вместо тебя сдам? – не растерялся я.

Вергилия подняла заплаканное лицо, и все обернулись на меня.

– Там же имя надо называть, а ты всё-таки мальчик, – верно подметила Маруся.

– Это поправимо, – ответил я.

И мы отправились всей толпой в туалет. Подоспел разгневанный моим опозданием Никита, я ему вкратце изложил план, и он согласился выступить посредником – помочь нам с Вергилией поменяться одеждой! Я надел голубую блузку и розовую в цветочек юбку, которая, к счастью, оказалась шортами. А туфли с бантиками мне оказались не малы, а велики. Маруся Скворцова сняла со своих косичек резинки и завязала мне два хвостика, какие обычно носят двухлетние девочки, у которых ещё волосики не отросли до настоящих хвостов. В таком невероятном виде я пошаркал сдавать кровь. А Вергилия осталась в туалете. Ведь Наталья Сергеевна тоже была в поликлинике и попасться ей на глаза не хотелось.

– Как тебя зовут? – спросила медсестра, смерив меня удивлённым взглядом.

– Вергилия Спицына, – постарался я сделать девчачий голос.

– А-а, – понимающе протянула она. – Ну, давай сюда ручку.

Я сначала дал уколотую, потом опомнился и поменял.

Медсестра сделала чпок, нацедила и перелила мою кровь в колбочку.

«Ну вот, пролил кровь за друга, то есть за подругу», – подумал я не без гордости.

Я уже было поднялся, раскланялся, но тут за дверью слышался встревоженный голос Натальи Сергеевны.

– Где Куликов и Спицына? Они последние остались к дерматологу, врач ждёт.

В ответ тишина.

– Они, наверное, в туалете, – ответил Никита.

– Оба?

– Да, они съели один бутерброд и жаловались на живот.

– Сбегай, проверь, пожалуйста.

И снова тишина.

– Позови, пожалуйста, следующего, – попросила меня медсестра.

– За мной никого, я последний, то есть последняя.

Медсестра посмотрела с подозрением.

– Скажите, – я снова сделал высокий голос, – а что показывает анализ крови?

– Много чего: наличие инфекционных или воспалительных процессов, вирусных заболеваний, проблем с органами...

– Так-так, – очень заинтересованно сказал я, но продолжения не последовало.

– Вергилия, позови следующего, – повторила просьбу

медсестра.

– Там никого нет.

– Да, они там, – услышал я за дверью сокрушённый голос Никиты.

– Что с ними?

– Уже всё в порядке, скоро придут.

Медсестра тем временем теряла терпение.

– Вергилия, ты ещё что-то хотела узнать?

Я уже приготовился спросить, показывает ли анализ крови пол человека, но тут...

– Да кто ж там так застрял? – воскликнула Наталья Сергеевна, и медсестра, кажется, тоже её услышала.

– До свидания, – взвизгнул я, сделал реверанс и пулей вылетел из кабинета.

– Это наша девочка? – донёсся мне вслед недоумённый вопрос Натальи Сергеевны.

Я почувствовал себя настоящей Золушкой, когда на повороте одна из туфельек соскочила. Я её подобрал и скрылся в туалете. «Готово», – объявил я несчастной Вергилии.

Когда Наталья Сергеевна пришла нас оттуда вызволять, мы уже успели переодеться. Единственное, я забыл про резиночки в волосах.

– Куликов! Что это значит?

– Расстройство желудка, – объяснил я.

– Что у тебя на голове, я спрашиваю?

– А-а, это? – И я сдёрнул свои резиночки. – Ничего осо-

бенного. Прикол такой.

– Нашёл место для приколов, Куликов! Ты бы ещё у психиатра резиночки нацепил. Вергилия, ты сдала кровь из пальца?

– Я? – задрожала Вергилия.

– Да-да, я сам видел, – вмешался я.

– Тогда марш оба к дерматологу.

И мы побежали.

– Благодарю, – сказала мне тихо Вергилия.

Дома, за ужином, я, как обычно, доложилась родителям обо всех приключениях. Папа посмеялся, а мама, вполне ожидаемо, подлог крови не одобрила.

– Папа, – вспомнил я, – а что значит «работа не волк – в лес не убежит»?

– То и значит, – пожал плечами папа и повторил с расстановкой: – Работа не волк, значит, в лес не убежит.

– А чем отличаются лапы от ног?

– Ноги у человека, лапы у зверей, – ответил папа.

– А у слона? – прищурился я.

Папа задумался, и подключилась мама:

– Лапы мягкие, ноги жёсткие, – говорит.

– А у гуся разве жёсткие?

А сам уже за вилку схватился диагноз им где-нибудь нацарапать.

– А у гуся котлета стынет, – выкрутилась мама.

И была права. Я решил в следующем году спросить у дяди-психиатра, чем отличаются лапы от ног, но потом передумал.

Английский и шпоры

Как я рассказывал, в первом классе началась моя война с математикой, которая продолжается до сих пор с переменным успехом. Умолчал я о том, что со второго класса вынужден вести войну на два фронта. Неожиданно для всех к математике примкнул английский. И если в случае с математикой мамино негодование удачно переадресовывалось «несчастному гуманитария» в лице папы, то в трудностях с английским виновных найти не удавалось. Родители владеют двумя иностранными языками каждый. Собственно, мама у меня работает переводчиком. А папа долго объяснял мне, кем работает, но я не совсем понял. Но он тоже много общается с иностранцами, в том числе по телефону.

И даже бабаня то жаловалась на дрizzлинг за окном, то просила выбросить что-нибудь в гарбидж.¹ Целуя меня перед сном, она говорила «Гуд найт» и «Си ю туморроу монинг».² – Сито макароник, – отвечал я, уверенный в виртуозном владении иностранным языком.

И вот урок за уроком я осознавал всё яснее, что ничего не выходит: сначала я путал русские и английские буквы, потом

¹ Drizzling – морозящий дождь (англ.), garbage – мусор. (англ.)

² Good night – доброй ночи, see you tomorrow morning – увидимся завтра утром. (англ.)

совершенно не мог взять в толк, по каким правилам читать слова, наконец в битву вступили два ужасных артикля, и я капитулировал. Два раза в неделю я ходил в школу как на каторгу. Но самое обидное, что мы с Марусей попали в одну группу и она регулярно оказывалась свидетельницей моего позора.

И если Наталья Сергеевна занимала однозначно мою сторону, то англичанка, судя по всему, записалась во вражеские агенты. И позывной у неё был – Стрекоза. Стрекозой её называли ещё до нас за огромные переливчатые очки. Глаза за очками тоже были большущими. Она много улыбалась, но как-то предательски. И активно двигала челюстью, когда выговаривала английские слова.

Вот вам пример типичной английской экзекуции.

– What is your name?³ – спрашивает меня Стрекоза.

– Май нейм из Костя, – отвечаю я, чеканя слова. Изображать акцент я уже давно перестал, потому что каждое моё слово тогда сопровождалось дружным ха-ха.

– What is her name?⁴ – Стрекоза показывает на Марусю.

– Маруся, – отвечаю я, счастливый от того, что понял смысл вопроса.

– Right.⁵ Но давайте ответим полностью.

– Май нейм из Маруся, – бодро отвечаю я.

³ Как вас зовут? (англ.)

⁴ Как её зовут? (англ.)

⁵ Правильно (англ.)

И все смеются. А когда успокаиваются, Стрекоза продолжает:

– How old are you?⁶

– Ай эм эйт, – отвечаю я уже менее уверенно.

– How old is she?⁷ – И она снова указывает на Марусю.

Я больше не хочу быть посмешищем и молчу.

– Is she eight years old as well?⁸ – медленно говорит училка и таким тоном, как будто подсказывает мне ответ.

– Эйт, эйт, олд⁹, – бурчу я.

Два главных знатока английского прыскают от смеха, остальные подхватывают. Маруся сочувственно качает головой.

Однажды Маруся догнала меня в коридоре после уроков.

– Куликов, хочешь позанимаюсь с тобой английским? – спросила она.

⁶ Сколько вам лет? (англ.)

⁷ Сколько ей лет? (англ.)

⁸ Ей тоже восемь лет? (англ.)

⁹ Old отдельно переводится как «старый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.